

С.А.Мызников*

«Лексический атлас русских народных говоров» и региональные диалектные словари

В статье показана возможность сочетания материалов, полученных в ходе экспедиционных сборов, и данных современных региональных словарей в ходе работы над «Лексическим атласом русских народных говоров». Даётся краткий

обзорный анализ региональных диалектных словарей, вышедших в последнее время. Показываются особенности этих лексикографических источников, анализируются некоторые лексемы, являющиеся результатом этноязыкового взаимодействия. Рассматриваются возможности сочетания данных региональных атласов с материалами «Лексического атласа русских народных говоров».

В настоящее время диалектологические исследования в связи с работой над «Лексическим атласом русских народных говоров» (ЛАРНГ) [1] (пробный выпуск вышел в 2004 г.) [2] серьёзно интенсифицировались. В большинстве российских регионов закончилось накопление и описание диалектных данных в виде региональных диалектных словарей. Часть таких проектов была начата задолго до начала работы над ЛАРНГ и к концу 80-х гг. XX в. находилась в весьма продвинутом состоянии или была закончена в последнее время. Поэтому использование материалов современных региональных словарей как дополнительных источников для ЛАРНГ не противоречит синхронному характеру лингвогеографического труда и, вне всякого сомнения, обогатит его качественными диалектными материалами.

К настоящему времени наиболее полным сводным источником является «Словарь русских народных говоров» [3], который включает лексику всех русских диалектов, отмеченных в различных источниках на протяжении более чем 200 лет. Однако региональные словари репрезентируют данные, которые по ряду причин не вошли в этот труд, и поэтому их использование в качестве дополнительных сведений может внести уточнения, относящиеся к ареалу, семантике и т.п. при составлении карт ЛАРНГ.

Почётное место в русской диалектной лексикографии занимает «Ярославский областной словарь» (ЯОС) [4], изданный в 1981–1991 гг. Этот

* **Мызников Сергей Алексеевич** — доктор филологических наук, заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН, заведующий кафедрой уральских языков, фольклора, литературы РГПУ им. А.И.Герцена, руководитель проекта «Лингвогеографическое описание лексики русских народных говоров на материалах «Лексического атласа русских народных говоров» и данных региональных словарей» (13-04-00166а).

фундаментальный труд, содержащий около 32 тысяч слов, был осуществлён под руководством известного учёного-диалектолога проф. Г.Г.Мельниченко, всю свою жизнь посвятившего изучению местных говоров, разработке теоретических и практических вопросов региональной лексикографии. Непосредственным предшественником ЯОС был созданный Г.Г.Мельниченко «Краткий ярославский областной словарь» [5], объединивший ярославские лексические материалы ранее составленных словарей (1820—1956 гг.). Источниками ЯОС являются, с одной стороны, многочисленные записи современных говоров Ярославской области, с другой — разнообразные письменные (печатные и рукописные) источники XIX—XX вв., в том числе и лексикографические труды. ЯОС объединяет материалы разных по объёму ранее составленных словарей XIX—XX вв., содержащих лексику ярославских говоров [6].

Закончен и «Новгородский областной словарь» (НОС) [7], второе издание которого, исправленное и дополненное, вышло в свет в 2010 г. [8]. НОС является словарём дифференциального типа. Он содержит слова, употребляемые в говорах современной Новгородской области (включая территорию Волховского и Тихвинского районов бывшей Новгородской губернии — ныне Ленинградской области). Территория обследования НОС является местом этноязыковых контактов, что нашло отражение на страницах словаря. В этом труде отмечается лексика, восходящая к результатам влияния валдайского диалекта карельского языка.

Например: **Ло'дма** 'овраг, низина' Крестец., Валд. [7, 5: 34]. 'Ложбина в известняковой почве' Борович. Новг. [3, 17: 106]. **Лодми'на** 'низина на месте высохшего болота' Поддор. [7, 5: 35]. **Лодминка** 'низина'. Крестец. [7, 5: 35]. **Ло'дница** 'название покоса' Валд. [7, 5: 35]. Ранее данный материал в этимологической литературе не рассматривался. Фиксация его в пределах Новгородской области позволяет предположить влияние языка валдайских карел,ср. кар. валд. *lodma* 'ложбина' [9, 3: 160], кар. твер. *lod'ma* 'низина, ложбина' [10: 141], при фин. диал. *lotma*, *lotmo* 'ложбина, долина', ливв. *lodmi* 'низина, долина', люд. *lodm* 'низина, долина между скал', сопоставляя также с морд. эрз. *ložmo* 'яма, впадина', коми *lažmíd* 'низменное место, неглубокое место в воде' [11: 301]. В карельских диалектах это гнездо широко представлено [12: 55]. Ср. также кар. сев. *lodma*, *lod'ma* 'топкое место', люд *lod'm*, ливв. *lodmi* 'низина сырая', люд. *lodm* 'низина, лощина' [13: 29]. Ср. морд. эрз. латко 'овраг' [14: 332].

«Словарь вологодских говоров» (СВГ) [15] является словарём дифференциального типа, отражающим современное состояние словарного состава Вологодской группы северорусского наречия (территория, ограниченная с запада 39° восточной долготы, а с юга — 58—59° северной

широты, где расположены 16 районов области). Диалектологи Вологодского пединститута, собирая лексику для СВГ, обследовали свыше 500 населённых пунктов в этих районах. В Словарь включается также лексика, зафиксированная в Вельском районе (ранее эта территория входила в состав Вологодской губернии) Архангельской области, находящемся на территории распространения говоров Вологодской группы. В Словаре находит отражение и диалектная лексика сопредельных говоров (Кирилловский и Шекснинский районы Вологодской области, в ряде случаев — Белозерского). В настоящее время «Словарь вологодских говоров» представляет собой издание в виде 12 отдельных выпусков, вышедших в свет с 1983 по 2006 гг. Лексический состав вологодских говоров, отражённый в словаре, весьма интересен. В нём присутствуют единицы прибалтийско-финского (вепсского и карельского), коми, саамского происхождения.

Ша'рга «тонкая металлическая полоска, скрепляющая деревянную ручку косы с лезвием» Сямж. [15, 13]. «Расщеплённый прут ивы, которым прикрепляют косу к косью вместо железного кольца» Белозер. (Семково) [16]. Восходит к поздним карельским источникам, ср. кар. твер. *šarga* 'лента, полоска бересты' [10: 264].

Курза' «вода на лугах, оставшаяся после наводнения» Тарног. [15]. Вероятно, это субстратная единица прибалтийско-финского типа, ср. фин. *kurso* 'влажное, заросшее кустами место', *kursu* 'труднопроходимая низина', 'болотистая долина, впадина', саам. норв. *gor'sa*, *kor'sa* 'большой овраг или узкая и глубокая ложбина, с рекой на дне', саам. швед. *kårsa*, *kårs* 'пологая и глубокая ложбина между гор, на дне которой течёт ручей' [11: 246—247], кар. *kuržeikko*, *kurzeikko* 'длинные кусты и небольшой лес, растущий на болотистой почве', 'бурелом, валежник в лесу' [9, 2: 470].

Идея создания «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК) [16, 1: 3] была высказана Н.А.Мещерским еще в 1963 г., в нём охватывается лексика, зафиксированная на территории современной Карелии, Мурманской, Ленинградской, Вологодской, Архангельской, Новгородской областей, Бежецкого района Тверской области. СРГК построен на базе непосредственных записей диалектной речи, полученных в ходе полевых экспедиций, начиная с 1964 г. В его основе лежит фундаментальная картотека, насчитывающая свыше 1,5 млн карточек-цитат. В данном словаре довольно широко представлена лексика, являющаяся результатом прибалтийско-финского влияния на смежные русские говоры. В ряде случаев эти данные являются первой фиксацией таких лексем.

Например: **Ма'хты** 'очень' — Ой, махты хорошо ты сделал. Подпорж. [17, 3: 207]. Данное слово, вероятно, является проникновением, оно напрямую соотносится даже по вепским иллюстрациям, ср. вепс. *mahtte*

'очень' – *Sina mahtte čomin' t'eg'id' lačin* (Ты очень хорошо сделал кадку) [18: 316]. Ср. также вепс. *mahtad* 'умеешь', произносимое также при одобрении.

Вич 'нож' Бабаев., Лодейноп. [17, 1: 203]. **Вейч** 'нож' Лодейноп. Ленингр. [19]. **Ве'йчи** — *Саша, где вейчи, хочу хлеб резать*. Кандалакш. Мурман. [19]. Эти проникновения, вероятно, связаны с живым адстратным прибалтийско-финским влиянием, вариант **вейч** восходит в вепс. *veič* 'нож' [18: 633], люд. *vei's* 'нож', а **вейчи** — к карельскому этимону, ср. кар. импил. *veitšen nyzā* 'сточенный и сломанный нож' [19: 162], кар. твер. *veičči* 'нож' [10: 329], ливв. *veičči* 'нож' [21: 422], при фин. *veitsi*, ижор. *vei'tsi* 'нож' [11: 1686, 1687]. Трудно оценить вариант **вич**, зафиксированный в зоне вепсского влияния, является ли он проникновением или освоенным заимствованием.

О'миш 'ладно, хорошо' — *Дом престарелых в сосняке, сориночки не найдёшь, все, говорят, омиш, хорошо*. Лодейноп. [19]. **Омиш**, обычно «хорошо» это по-вепски. Лодейноп. [17, 4: 199]. Данная единица, вероятно, является вепсским проникновением, ср. вепс. *voitmiz* 'готовый' [18: 620], *voitmiks* 'наготово', при ливв. *valmis* 'готовый' [21: 415], фин. *valmis* 'готовый', водск. *valmiz* 'готовый, зрелый' [11: 1624]. Начальное [v], вероятно, утрачено в связи с особенностями вепсского слова, поскольку первый гласный звучит достаточно отчётливо, в дифтонге [о́й], нежели губно-зубной [v].

Педа'й 'сосна' Прионеж. [17, 4: 419]. Слово и по ареалу, и по форме и семантике восходит к вепс. *pedai*, *pedei* 'сосна' [18: 405], при фин. *petäjä*, кар. *petäjä* 'сосна, обычно большая и крепкая', ливв. *petäi*, люд. *pedai* 'сосна', водск. *petäjä*, эст. *pedajas*, саам. швед. *petse* 'мясной или рыбный бульон, в который кладут заболонь сосны', ср. также морд. эрз. *ρ'itše*, мокш. *ρ'itše* 'сосна', мар. *ρəndžə*, удм. *ρužim*, коми *ρožēm* 'сосна' [11: 534]. Русское диалектное слово является недавним проникновением. В этом же ареале отмечаются микротопонимы: **Педя'ник** 'пожня' Подпорож. (Усланка) [22]; **Педа'сельга** 'деревня' Прионеж. Микротопоним **Педя'ник** относится к анализируемому слову, ср. вепс. *pedeik* 'сосняк, сосновый бор' [12: 72].

Ещё один законченный проект — «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия» [23] — представляет собой фундаментальный свод лексики, собранной и записанной, начиная с 1962 г. по первое десятилетие XI в., преподавателями, аспирантами и студентами кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарёва. Были обследованы 362 населённых пункта на территории Республики Мордовия (Мордовской АССР). В словаре зафиксировано свыше 23 200 слов. Представлены диалектная лексика и фразеология всех русских говоров этого

региона, отражены результаты влияния мордовских языков на лексическом уровне. Приведём некоторые примеры, ранее не отмечавшиеся в этимологической литературе как мордовские заимствования.

Например: **Ма'ри** 'песчаная почва': — *Я на мари посади'ла, го'льный пёсок и трава-то не ростёт*. Ардатов. (Суподеевка) [23, 1986: 15], воеводимое к морд. эрз. *мар* 'куча, груда (например земли)', 'курган, холм' [14: 362], мокш. *мар* 'куча, груда', 'глыба', 'размер, рост, величина' [24: 361]. Ср. сходные данные в других регионах: **Мар** 'курган, насыпь, холм' Оренб., Чкал., Уральск. казаки, Урал, Сарат., Самар., Пенз., Ульянов., Вост.-Сиб., Казан., Нижегор. [3, 17: 367]. 'Пригород' Южн. р-ны Горьк., 1969 [3, 17: 367]. 'Большая груда, куча чего-либо' Нижегор. [3, 17: 367]. Хотя в СРГМ, на наш взгляд, возможно идёт речь о возвышенности с песчаной почвой, что не передаётся в толковании [23, 1986: 15].

Муса'т 'огниво' Дубён. (Чеберчино) [23, 1986: 41]. Восходит к морд. эрз. *мусат* 'кресало (стальная пластинка для высекания огня путем сильного удара о кремень)' [14: 394], мок. *мусад* 'кресало, огниво' [24: 394].

Ну'лы 'старая, изношенная одежда': — *Нулы-тъ выбръсить нады, събери их. Нулыф-тъ многъ, а хорошивъ у меня нет*. Чамзин. (Мичурин) [23, 1986: 128]. Рассматривается как мордовское заимствование, ср. эрз. *нула* 'тряпка', 'тряпье, лохмотья (об одежде)' [14: 421], при эрз. *нулыямс* 'износиться (об одежде)', при мар. *нумалаши* 'носить одежду', удм. *нуллыны*, коми *новлыны* 'носить (одежду)' [25: 122–123]. Ср. также мокш. *нула* 'пелёнка', *нула* 'женское платье из набивного ситца, сатина, шёлка' [24: 421, 422].

Таким образом, использование всех доступных относительно синхронных источников может в ряде случаев значительно пополнить данные, собранные для ЛАРНГ (фото). Кроме того, следует отметить, что опыт региональных лексических атласов в российской лингвогеографии не очень велик. Имеется основательный «Лексический атлас Московской области» А.Ф.Войтенко, в котором представлены 160 карт [26]. Лингвогеографическое обследование архангельских говоров было реализовано в таком уникальном труде Л.П.Комягиной, как «Лексический атлас Архангельской области» [27]. В этом труде насчитывается 198 карт. В «Лингвистическом атласе района озера Селигер» [28] представлены 45 карт.

В Программе ЛАРНГ [29] имеется несколько вопросов, посвящённых названиям ягод. Ранее некоторые наименования уже были исследованы в лингвогеографических трудах. См., например, карту «Голубика» в АСЭЛСЭ [30]. Объектом картографирования данной карты являются

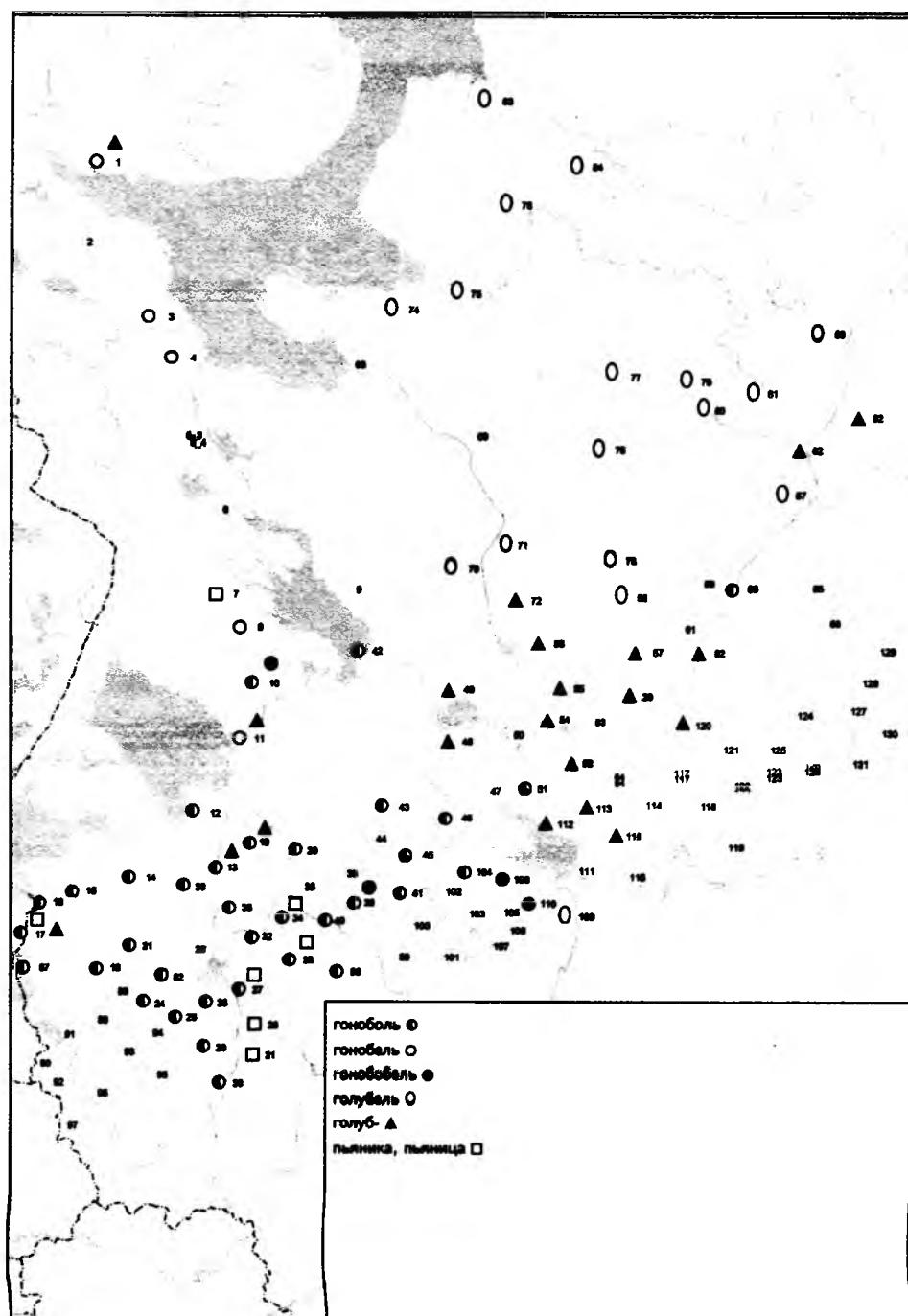

Фото. Обсуждение карт ЛАРНГ, слева направо сидят:

Г.М.Курбангалиева, Т.Е.Никулина, В.Н.Гришанова, Т.И.Вендина, Л.Я.Костючук.

Стоят: А.С.Герд и автор статьи

диалектные лексические различия наименований голубики, исключая её общенародную номинацию (карта). Гнездо **гонобо́ль** имеет самое широкое распространение в говорах, лексемы **гонобо́бель** и **го́нобо́ль** помещаются также в словари русского литературного языка, хотя в ряде случаев и имеют помету — обл. В.А.Меркулова отмечает, что «широко распространённое название голубики **гонобобель** в формальном отношении стоит совершенно особняком в названиях ягод. Многочисленные варианты этого названия указывают на затемнённость этимологических связей в этом слове: чаще всего встречается форма **гоноболь**, затем **гонобо́бель**, **гонобо́б**, **голобо́б**, **гонобо́й** и даже **конбо́ки** [31: 223]». Она полагает, что центром, откуда происходит движение этого слова, следует считать псковско-новгородские говоры с их формой **гоноболь**, что подтверждается данными настоящего атласа. М.Фасмер считает слово **гоноболь** сложным, состоящим из **гон-** 'гнать' и **боль**, со значением 'вызывающий боль', так как при сборе голубики обычно кружится и болит голова от дурманящего запаха багульника, растущего вместе с ней [32, 1: 437; 31: 223].

Карта. Голубика.

1–9 — районы Мурманской области, 1–20 — районы Ленинградской области,
 21–41 — Новгородской, 42–67 — Вологодской, 68–86 — Архангельской,
 87–97 — Псковской, 98–107 — Ярославской, 117–131 — Костромской области.

Слово **гонобо'ль**, как уже говорилось, по своему словообразовательному оформлению выделяется среди всех других названий ягод. Меркулова полагает, что вряд ли прав Фасмер, который считает эту форму табуистической, поскольку в названиях растений табуистическим заменам подвергались лишь наименования колдовских, магических растений, каковым голубика никогда не была [31: 223]. Косвенным доказательством того, что слово на русской почве непонятно, служат многочисленные искажения, которым оно подверглось в говорах, вплоть до установления совершенно случайных созвучий.

Все эти факты как будто говорят о том, что на русской почве это слово неисконно. По мнению В.А.Меркуловой, в основе слова **гонобо'ль** лежит финский элемент, как и во многих других севернорусских названиях ягод, и его вторая часть вряд ли случайно совпадает с общефинским названием брусники; она полагает, что именно вепсские и карельские формы легли в основу новгородско-псковского диалектизма, притом что в первой части слова **гонобо'ль** лежит элемент со значением 'опьяняющий, одуряющий' [31: 224]. Первая часть слова **гоно-** соотносится с вепс. *g'önik*, ср. вепс. *g'önikbarb* 'ветка голубики' [18: 99], при *g'önikäiñe* 'голубика' [18: 99]. Вторая часть — **бол**, вероятно, восходит к вепс. *bol* 'брусника', 'ягода вообще' [18: 46]. По данным SKES, прибалтийско-финское гнездо имеет общее финно-угорское происхождение: манс. *rol*, *riul* 'ягода', коми *riul, riuv* 'брусника', эст. *poolas*, водск. *rollag* 'брусника', фин. *ruola* 'брусника' [11: 645], ливв. *buolu* 'брусника' [21: 30], ижорск. *rola* 'брусника' [33: 427], кар. твер. *buola* 'клюква' [9, 4: 507]. Следует отметить, что в вепсском языке лексема *bol* имеет значение 'ягода'. Лексема *голубе'ль*, вероятно, является результатом контаминационного переосмыслиния, попытки найти внутреннюю форму. Её ареал — восток обследуемого региона, вероятно, связан с более поздними миграционными процессами русского населения. Лексемы **пьяни'ка**, **пья'ница**, вероятно, следует рассматривать как результат семантического калькирования, ср. вепс. *g'ötar* 'пьяница', *g'önik* 'тот кто пьет', ливв. *juotoi* 'голубика', при ливв. *juotari* 'пьющий, пьяница' [30: 108]. Их ареал — гдовские, прионежские говоры, а также территория юга Новгородской области.

Эти материалы можно дополнить данными региональных словарей. Так, например, наименование 'голубика' в ЯОС представлено также следующими лексическими манифестациями: **гонобо'бень**, **гонобо'бель** Солигалич. Констров., **гоного'бель** Пошехон. Яросл.; **конобо'бель** Аньковский Иванов., Борисоглебский, Гаврилов-Ямский, Переславский, Ростовский, Середской, Толбухинский, Яросл.; **синя'га** Данилов. Яросл.; в СРГМ — **голубни'га** Дубёнский Мордов.; **гонобо'б** Ельниковский, Ардатовский Мордов.

В СРГК представлены лексемы, подтверждающие фиксации **гонобе'ль** Терск. Мурман., Кем. Карел., а также единичные наименования: **гонобу'ль** Подпорож.; **гонопо'ль** Лодейног. Ленингр. [17, 1: 364]. Причём, по иллюстрациям, представленным в других словарных статьях, можно сделать вывод о том, что варианты **гонобе'ль** и **гонобо'ль** весьма частотны для Ленинградской области, ср.: *Гонобель не гонобель, а голубика, как малина, растёт на низких кустиках, расширяется, как морошка, очень сладкая, самая сладкая ягода в лесу. Подпорож. Салютка — так это низко место, да и деревца там низеньки, сосенка да берёзка. В салютке-то и ягодники е, гоноболь да брусница, и мох там такой беленькой.* Кириш. Ленингр. Кроме того, отмечаются лексемы с корнем **пьян-**: **пьяни'ка**: — *А пьянику-то у нас не берут, других ягод много. А её как поешь, так опьянеешь — чего ж её брать?* Кондоп. Карел. **Пья'ница**: — *Гоноболь, или пьяница, после черники она поспевает.* Сланц. Ленингр. [17]. Хотя по лексикографическим данным наибольшие фиксации лексем с этой корневой морфемой представлены в НОС:

Пья'ница, -ы, ж. 1. Растение голубика. *Пьяницу в болоте хоть косой коси.* Демян. Черника, брусника, пьяница есть. Холм. 2. Собир. Ягоды голубики. *Пьяница и гоноболь — одно и то же, ягоды пьянят.* Молвот. Валд., Окулов., Чудов. **Пья'нка**, -и, ж. Растение голубика. *Пьянка в болоте растёт, голова от ей болит, може, потому и пьянка называется.* Валд. **Пья'ники**, мн. Ягоды голубики. *Завтра надо бы с пьянкам-то пирогов спечь.* Демян. *Вот в болоте-то растут на кустиках низеньких ягоды, похожи на чернику, называются пьянки.* Валд. [8] Отмечаются также лексемы с корнем **гонобол-** с вариантами: **Гонобольня'г**, **гобульняг**, **гобуняг**, **гобыльняг**, **гонубольняг**, м. Растение голубика. *Гоноболнягу много, и ягоды должны быть.* Холм. Полав. *Гобульнягу много, гобунягу.* Гобыльняг-то низенький, много ягод. Старорусск.. Свела за гоноболью, и сколько там гонубольняга! Крестец. Волот., Поддор., Полав., Старорусск. **Гонобольник**, м. 1. Растение голубика. *Нарви гонобольнику да и сядь на него.* Крестец, Гонобольник по всему лесу есть. Новг. Гоноболь на гонобольнике, растёт. Маловиш. Новг., Окулов., Старорусск. [8]

В большинстве случаев у диалектоносителей в речи присутствуют как собственно диалектные единицы, так и лексемы русского литературного языка, что и отмечается в текстах словарей, например, **голуби'ка** и диалектные лексемы **пьяни'ка**, **синюха**: — *По краякам бывает и брусника, есть и другая ягода, ей голубика и пьяница зовут; толокнянник есть.* Марев. Синюха — голубика. Все руки чёрные от синюхи. Старорусск. *Испарится голубика в печке, дети и едят.* Хвойнин. Пестов., Марев. [8].

В НОС также устойчиво отмечаются словообразовательные варианты: **Голубица**, ж. 1. Ягодный кустарник голубика. *А вон на Чудиновском Болоте голубица с морошкой*. Новг. *У голубицы такие же ветки, как у черники*. Любыт. Валд., Маловиш., Старорусск., Чудов. 2. Собир. Ягоды голубики. *Голубица голубее, покрупнее черники. Как мало, так ею не берут. Высущи, так и пеки, пироги пекут с голубицей*. Любыт. Батец., Валд., Демян., Крестец., Маловиш., Окулов., Пестов., Старорусск., Тихв., Чудов. **Голубицы**, мн. Ягоды голубики. *Ну, нонечь и ягод было всяких: и куманиц, и земляниц, и голубиц*. Хвойнин. **Голубка**, ж, собир. Ягоды голубики. *За голубкой ходили робятишки, мало набрали*. Новг. [8].

Таким образом, работа над картами ЛАРНГ может быть весьма продуктивной, а её научные результаты будут наиболее верифицированы при сочетании всех возможных источников диалектных данных. Хотя основой ЛАРНГ остаются полевые материалы, следует также использовать данные современных региональных словарей и другие источники диалектной лексики.

Работа над проектом позволит детально проанализировать данные современной региональной диалектной лексикографии и возможности использования этих материалов для создания «Лексического атласа русских народных говоров».

Литература

1. Собранные для ЛАРНГ материалы впервые охватят столь широкую территорию распространения лексики в говорах Европейской части России (до Урала) в хронологических границах с 50-х гг. XX в. до времени завершения Атласа. В ЛАРНГ будут представлены карты разных типов (лексические, словообразовательные, лексико-словообразовательные, семантические, мотивационные, номинативные, лексико-этнографические и некоторые другие). Лексические данные уже сейчас нуждаются в научном осмыслиении и включении в парадигму современной лингвогеографии. В Программе содержатся 22 темы, включающие 5821 вопрос; в том числе: «Природа» — 682; «Человек (анатомические названия)» — 109; «Физические особенности человека, социальные отношения» — 231; «Народная медицина» — 150; «Семья» — 274; «Народная духовная культура» — 509; «Трудовая деятельность» — 1287; «Крестьянское жилище» — 681; «Домашняя утварь» — 163; «Крестьянская одежда, обувь» — 229; «Питание» — 250; «Сухопутные пути сообщения, средства передвижения» — 183; «Водный транспорт» — 103; другие актуальные тематические группы — 174; список слов для проверки их значений и географии — 796.

2. Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2004.
3. Словарь русских народных говоров. Т. 1—45. Л., СПб, 1965—2013.
4. Ярославский областной словарь. Вып. 1—10. Ярославль, 1981—1991.
5. Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
6. Ховрина Т.К. О Дополнении к «Ярославскому областному словарю» // Путь к родному слову. Сборник научных статей к 60-летию профессора Р.И.Кудряшовой. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2006. С. 35—43.
7. Новгородский областной словарь / Под ред. В.П.Строговой. Вып. 1—12. Новгород: Изд-во Новгор. пед. ин-та, 1992—1995.
8. Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А.Н.Левичкин, С.А.Мызников // Серия «Памятники русского диалектного слова». СПб., Наука, 2010.
9. Karjalan kielen sanakirja. О. 1—5. Helsinki, 1968—1997.
10. Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А.В.Пунжина. Петрозаводск, 1994.
11. Suomen kielen etymologinen sanakirja. О. 1—7. Helsinki, 1955—1981.
12. Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
13. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков / Под общ. ред. Ю.С.Елисеева и Н.Г.Зайцевой. Петрозаводск, 2007.
14. Эрзянско-русский словарь / Под ред. Б.А.Серебренникова, Р.Н.Бузаковой, М.В.Мосина. М., 1993.
15. Словарь вологодских говоров. Вып. 1—12. Вологда, 1983—2007.
16. Картотека «Словаря русских народных говоров». Хранится в ИЛИ РАН.
17. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С.Герд. Т. 1—6. СПб., 1994—2005.
18. Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.
19. Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».
20. Impilahden karjalan sanakirja. Toim. Punttila M. // LSFU, XXVII. Helsinki, 1998.
21. СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г.Н.Макаров. Петрозаводск, 1990.
22. Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русских говорам и финно-угорским языкам).
23. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Т. 1—7. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1978—2006.
24. Мокшанско-русский словарь / Под ред. Б.А.Серебренникова, А.П.Феоктистова, О.Н.Полякова. М., 1998.
25. Цыганкин Д.В. Этимологиянь валкс. Саранск: Мордовской книжной издавательства, 1998.
26. Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991.
27. Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. 1994.
28. Мальцев М.Д., Филин Ф.П. Лингвистический атлас района озера Селигер. М.; Л., 1949.

29. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров / Отв. ред. И.А.Попов. Ч. 1–2. СПб., 1994.
30. Мызников С.А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада / 2-е изд. СПб.: Наука, 2007.
31. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
32. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
33. Inkerioismurteiden sanakirja. Toimit. R.E. Nirvi // Lexica societatis fennno-ugricae, XVIII. Helsinki, 1971. 730 S.